

бегут провода скрытых контактов, разносящие вести, обменивающиеся таинственными рефлексами».

2. Грушенька Достоевского и Грушка Н. Успенского

Выдвинутая нами гипотеза о связи образа Грушеньки с растительным миром вовсе не претендует на то, чтобы «снять» ранее выдвигавшиеся указания на другие, в том числе почерпнутые из реальной жизни, прототипы этого образа.³ Но, по нашему мнению, образ-символ груши входит в поэтику романа наряду с такими образами-символами, как «луковка», «дитё», «земля» и др. Что же касается чисто литературных параллелей к образу Грушеньки Светловой, то не лишно интереса сопоставление рассказа Николая Успенского «Грушка» с романом «Братья Карамазовы» — сопоставление, ранее не предпринимавшееся, по нашим сведениям, комментаторами и исследователями.

Известно, что сборник рассказов Н. Успенского, включавший и рассказ «Грушка», был отрецензирован во «Времени» в 1861 г., причем рецензия эта ныне бесспорно атрибутируется Ф. М. Достоевскому (19, 178—186, 334). Образ героини рассказа, купеческой дочери Аграфены Власьевны Мурашкиной по прозвищу Грушка, в некоторых существенных деталях превосходит образ Грушеньки из «Братьев Карамазовых». Им обеим присущи: сочетание умения внушать мужчинам любовь с умением извлекать из этого собственную выгоду; инициативность, ловкость и изобретательность в любовных делах и обманах; умение «вертеть» мужчинами по своему произволу, не давая им в то же время «полного удовлетворения». Сравним две цитаты: а) рассказчик у Успенского: «Особенностей же между нами никаких не было. Путешествовал же я к ней не раз и не два. Время, можно сказать, проводил в пустяках; кроме ласк да пересыпки из пустого в порожнее ничего не было»; б) Митя — Алеше: «Ты думал, достиг чего сокол-то? Даже издали не показала. (...) Видел и целовал, но и только — кланюсь» (14, 109).

Конкурентом рассказчика в его чувствах к Грушке у Успенского является заезжий офицер, убежавший от нее после первой же брачной ночи, что несколько напоминает любовное соперничество Мити с «прежним и законным». Есть немало сходства и в описании внешности двух героинь: «девчонка она была добротная, румянец во всю щеку»,⁵ «румяная, полнотелая русская красавица» (14, 311). Герой Успенского говорит о Грушке: «первое дело — обманщица», «характером ажно ль дрянь вышла», «мудрит мною, и на!», «она, она вовлекла меня в свои сети», «такая продувняга — поискать на ред-

² Цвейг С. Собр. соч. Л., 1929. Т. 7. С. 137, 155—156.

³ См.: 15, 456—457.

⁴ Успенский Н. Повести, рассказы и очерки. М., 1957. С. 77.

⁵ Там же. С. 75.

кость» и т. д. И Митя, и другие герои «Братьев Карамазовых» аттестовали Грушеньку в весьма сходных выражениях. Так, Федор Павлович в разговоре с Алешей шесть раз называет ее Грушкой и два раза Грушенькой, говорит: «Вот ведь мы какими характерами одарены — только чтобы насупротив делать. Я ее насквозь знаю!» (14, 158). Любовные отношения в рассказе Успенского не только Грушка, но и прочие персонажи с примитивным цинизмом «увязывают» с тысячными суммами, материальным расчетом (см. сцену сватовства). Этот же мотив — один из главных в конфликте Федора Павловича и Дмитрия Карамазовых из-за Грушеньки.

Учитывая вышеизложенное, можно считать, что небольшой, «эскизный» рассказ Н. Успенского был одним из источников, использованных Достоевским при создании образа Грушеньки Светловой. Сходство между этими двумя образами — еще одно косвенное доказательство принадлежности рецензии на сборник рассказов Николая Успенского Ф. М. Достоевскому.

Г. И. ОРНАТСКАЯ

К ИСТОРИИ УТРАТЫ РУКОПИСЕЙ РОМАНА «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»

На судьбе архива Достоевского в полной мере отразились многочисленные трагические коллизии судьбы самого писателя. Арест по делу петрашевцев, распространенный и на его архив, привел к полному исчезновению автографов всего написанного до 1849 г., в том числе «Бедных людей», «Двойника»,¹ «Нсточки Незвановой». Не менее ощутимый урон архив писателя понес из-за его отъезда за границу в 1867 г. Собираясь уезжать на неопределенное время, Достоевский оставил рукописи на хранение родственникам М. М. Достоевского. По возвращении его оказалось, что эти рукописи пропали и лишь спустя какое-то время часть их нашлась.² Остальная же, очевидно, утрачена безвозвратно, хотя кое-какие «всплывавшие» время от времени автографы позволяют надеяться на появление хотя бы еще какой-то части их.

А. Г. Достоевская рассказала об уничтожении еще одной части

¹ Сохранились только черновые наброски к его предполагаемой переработке в 1861—1862 гг.: 1, 432, 436.

² Случайно сохранился черновой отрывок ранней редакции этого произведения и отрывок корректуры с серединой 2-й главы.

³ И в том числе незначительные черновые заметки к «Униженным и оскорбленным» (3, 4, 48; 17, 243—246), куски наборной рукописи «Игрока» (5, 346), черновики, планы, конспекты к 4 листам из 30 романа «Преступление и наказание» (7, 5—268). Вероятно, эта та часть архива, которая нашлась случайно в корзине с рукописями, сохранившейся стараниями племянника писателя Федора, см.: Ф. М. Достоевский: Статьи и материалы / Под ред. А. С. Долинина. Пб., 1922. С. 483—484.

архива перед возвращением семьи Достоевского летом 1871 г. из-за границы.⁴

В результате всех этих коллизий не сохранились основные автографы «Идиота» (известны только подготовительные материалы к первоначальной неосуществленной редакции романа и подготовительные материалы ко 2-й, 3-й и 4-й частям его окончательной редакции), «Вечного мужа» (известны лишь подготовительные материалы, планы и наброски), «Бесов» (сохранились подготовительные материалы, незначительная часть черновых набросков к частям второй, третьей и черновые автографы начала главы первой и конца второй третьей частей) и «Подростка» (известны подготовительные материалы к нему и частично черновые автографы второй и третьей части).⁵

Значительная часть ныне утраченных автографов этого периода существовала до 1918 г. и даже считалась принадлежавшей по завещанию вдовы писателя петербургскому и московскому Музеям Ф. М. Достоевского.

Среди последних в это время фигурировала и полная рукопись романа «Братья Карамазовы», из которой на сегодняшний день известны лишь отдельные черновые наброски и наборная рукопись начала и конца главы IX Девятой книги.

Сохранившиеся рукописные материалы к «Братьям Карамазовым» представляют собою конгломерат разрозненных черновых набросков к отдельным главам разных книг романа. Все эти материалы сохранились потому, что в свое время они не были вплетены А. Г. Достоевской в особые тетради, составившие, как известно из косвенных источников, «несколько томов, переплетенных в черную кожу».⁶

Содержание «томов» раскрывается благодаря завещательному распоряжению А. Г. Достоевской, сохранившемуся в одной из ее записных тетрадей. Отсюда следует, что в первом из «томов» были «закл(ючны) материалы к р(оману) „Бр(атя) Карамазовы“»; здесь же упоминается о «двух переплетенных в коленкор» томах, объемом в «439 и 465 страниц».⁷ Итак, из этих двух фраз видно, что существовало по крайней мере три тома таких переплетенных рукописей. Е. И. Кийко, исследовавшая сохранившиеся рукописи «Братьев Карамазовых», высказала предположение, что в первом из упоминающихся томов содержались «заметки, сделанные автором в период обдумывания общего плана „Братьев Карамазовых“», и что в двух других томах заключалась наборная

рукопись романа: «Об этом свидетельствует объем сданных на хранение томов: в них около 900 страниц, т. е. примерно столько, сколько должна была занимать наборная рукопись...» (15, 605). Высказанные предположения сами по себе возражений не вызывают, только, наверное, нужно было сказать, что кроме упоминаемых в «Завещании» томов были и другие, почему-то не упомянутые завещательницей и представлявшие собою не наборную,⁸ а наиболее ценную черновую рукопись романа. О ней мы узнаем из газетной заметки «Реликвии Достоевского», информировавшей о выставке 1901 г. в Историческом музее. Корреспондент (подпись: Ив. Забрешнев) писал: «В двух витринах раскрыты черновики романа „Братья Карамазовы“ (...). Последняя рукопись составляет несколько томов, переплетенных в черную кожу. Один том разогнут на конце VII главы 10-й книги „Мальчики“ (четвертая часть романа). Черновая „Карамазовых“ писана более мелким почерком, чем „Дневник“. Обыкновенная нелинованная писчая бумага большого формата. Треть страницы оставлена для поправок. Выноски и поправки делались при помощи корректурных знаков. Вероятно, в первоначальном своем виде рукопись состояла из отдельных, ничем не скрепленных листов».⁹ Итак, перед нами прямое свидетельство о существовании еще в 1901 г. «нескольких переплетенных томов», в числе которых была и упоминаемая черновая рукопись романа. По счастливой случайности сохранилось факсимиле, сделанное именно с раскрытой на выставке страницы,¹⁰ с зачеркиваниями и вставками с правой стороны листа (см. варианты: 15, 196—197). По этому факсимиле можно представить себе характер работы писателя на стадии черновой, но уже связанной редакцией романа.

В результате предпринятых нами поисков следов этих «томов» в различных архивах страны и изучения периодики того времени представилось возможным уточнить упоминавшиеся число «переплетенных томов»: оказывается, их было семь. Так, 11 мая 1920 г. в № 104 тифлисской газеты «Слово» появилось следующее официальное сообщение:¹¹

«... в начале марта сего года в Туансе у пытавшегося проехать в Сочи без пропуска поручика Вронского были отобраны представителем революционно-следственной комиссии Комитета освобождения Черноморья подлинные рукописи

⁸ Е. И. Кийко высказала свое соображение по поводу наборной рукописи на основании следующих строк из письма А. Г. Достоевской: «... рукопись „Карамазовых“ удалось мне сохранить в полном порядке, без пропусков. Но должна сказать, что „Бр(атя) Кар(амазовы)“ почти не имеют вариантов с напечатанным текстом» (15, 605).

⁹ Новое время. 1901. 4 янв. № 8928. Курсив наш. Т. О.

¹⁰ На факсимильной странице сверху напечатано: «Последняя страница из романа „Братья Карамазовы“»; снизу: «Дозволено цензурою. С.-Петербург, 11 декабря 1885 г.». Очевидно, факсимиле делалось А. Г. Достоевской для иллюстрирования одного из выпускаемых ею изданий.

¹¹ Воспроизводим его с незначительными сокращениями ввиду не только уникальности сообщения, но и важности содержащихся в нем конкретных указаний.

⁴ Достоевская А. Г. Воспоминания. М., 1971. С. 198.

⁵ Мы не касаемся здесь раздела писем Достоевского. Отметим только, что участникам академического «Полного собрания сочинений и писем» удалось установить, что кроме известных 924 писем существовало еще около 400 — не сохранившихся или не найденных до настоящего времени.

⁶ Новое время. 1901. 4 янв. № 8928.

⁷ Тетрадь называется «En cas de la mort ou d'une maladie grave» — ЦГАЛИ, ф. 212, л. 224.

Ф. М. Достоевского (в количестве около двух пудов, его личные и общественные письма, авторские заметки и т. д.). Рукописи эти были захвачены, по удостоверению заведующего отделом революционно-следственной комиссии Черноморья Г. Д. Алшибая, сотрудником той же комиссии Иваном Александровичем Канделаки и увезены им в Гагры с целями, как явствует из последующего, не имеющими общего ни с элементарной порядочностью, ни с уважением к воле родственников видного писателя о передаче всех рукописей в итербургский музей имени Ф. М. Достоевского.

Именно мистифицируя официальных уполномоченных Комитета ссылками на третьих лиц, которым якобы поручено хранение рукописей, этот „дикарь XX века“ — „с мужеством“ Герострата и жадностью Иуды в частных переговорах „давал понять“, что он рукописей не отдаст и даже не остановится, если его к „этому вынудят“, перед их сожжением.

Представительство Комитета освобождения Черноморья располагает абсолютными доказательствами подлинности всех (в семи больших переплетенных томах, не считая обширной переписки, бескопечных заметок, проектов, набросков и собственноручных записей Ф. М. Достоевского) рукописей писателя. . . . Далее в газете сообщалось, что «в фактическом распоряжении Представительства в Тифлисе находятся подлинные визитные карточки Достоевского, письма его (из Эмса от 2(14) VIII 79 г., письмо из Петербурга от 6 VII 77 г., письмо из Женевы от 18 XII 67 г., отрывок за подписью Достоевского «Друг Кузьмы Пруtkова») и т. д.»¹²

«Страшно подумать, — говорилось далее в заметке, — что все это бесценное богатство, которое заключается в двух пудах рукописей (. . .), где могут оказаться целые неизданные произведения одного из величайших писателей мира, не говоря уже о неизвестной до сих пор личной переписке, исчезнет навсегда для России и человечества только в результате изверства жадного шантажиста.

Представительство Комитета освобождения Черноморья настоящим доводит до сведения властей Грузии, на территории которой в Гаграх находится Канделаки и все похищенные рукописи, что ожидает исключительных мер по задержанию преступников, розыску рукописей и передачи их Представительству.

Представительство предупреждает всех, у кого оказались бы эти рукописи, что им будет возбуждено уголовное преследование против всякого держателя похищенного, если тот в кратчайший срок не сделает властям Грузии или Черноморья соответствующего заявления.

Наконец, Представительство надеется на содействие в возбужденном им вопросе всех тех, кто понимает значение посмертных писаний Достоевского и бесконечную тягостность их утраты.

Тифлис 8 мая 1920 г.»¹³

Как же могли попасть рукописи Достоевского к их первому незаконному владельцу — «поручику Вронскому»?

В начале 1917 г. А. Г. Достоевская, испугавшись развития революционных событий в Петрограде и попытавшись сначала продолжить работу над неизданной частью архива в привычном Сестрорецке,¹⁴ но не нашедшая необходимого для работы покоя и там, решила уехать в Сочи, близ которого у нее было имение.¹⁵ Здесь она и

¹² Эти документы частично сохранились и находятся сейчас в ЦГАЛИ (кроме письма из Эмса и визитных карточек); они опубликованы: 21, 248—251; 28₂, 237—238; 29₂, 160—161.

¹³ Перевод с грузинского выполнен научн. сотр. Центра по исследованию национальных отношений АН Грузии Е. Н. Квасашвили.

¹⁴ См. отрывок «Эпизод из революции 1917 года»: ЦГАЛИ, арх. А. Г. Достоевской, ф. 212, л. 146.

¹⁵ Ею был куплен «участок земли в 13 десятин 70 соток, находящийся в Черноморской губернии, Сочинском лесничестве, в Адлерской даче, за № 50, принадлежавшей госпоже Тиздаль. . .» (ЦГАЛИ, ф. 212, л. 224, л. 8).

надеялась продолжить свою работу. Для этого часть рукописей была ею отправлена в Адлер почтой,¹⁶ а наиболее ценная часть увезена в чемоданах.¹⁷ Поселившись в имении, Анна Григорьевна возобновила свою работу над рукописями, успев снять копии с писем Достоевского к ней.¹⁸ Но обстоятельства вновь вынудили ее спешно покинуть свой дом¹⁹ и бежать через Туапсе в Крым, где в это время жила семья ее сына Федора Федоровича и где у Анны Григорьевны был еще один дом.²⁰

Одна из версий вокруг факта бегства Анны Григорьевны гласила, что она оставила часть архива у знакомых в Сочи. Более убедительным представляется иное предположение: Достоевская направлялась в Крым через Туапсе, где пробыла, согласно только что упоминавшемуся свидетельству внука, какое-то время, и там у нее рукописи и пропали. Ведь именно из Туапсе прорывался в Сочи «без пропуска» тоже уже упоминавшийся «поручик Вронский», именовавшийся в прессе то «офицером меньшевистской гвардии»,²¹ то «грузинским гвардейским офицером».²² То ли Анна Григорьевна доверилась Вронскому, то ли он похитил у нее рукописи²³ — вряд ли теперь можно установить. Известно только, что вскоре после этого трагического происшествия на Кавказе предпринимались самые спешные меры к розыску рукописей, которые вдруг обнаруживались и даже

¹⁶ Перечень вложенных в посылки документов сохранился в одной из ее многочисленных рабочих тетрадей за 1917 г. (ГБЛ): так, в посылке от 7 апреля находилась какая-то «тетрадка Ф. М.», а в посылке от 18 апреля помимо разных бумаг были «3 книжки писем».

¹⁷ Причем в музейных кругах знали, что увезенные рукописи будут впоследствии переданы им на хранение — после того, как А. Г. Достоевская закончит работу над ними. Об этом подробно сообщалось в юбилейном сборнике, посвященном писателю. Здесь, в частности, говорилось: «Из художественных произведений Достоевского в архиве его покойной вдовы хранились 1-ая и 2-ая часть „Бесов“ и полная рукопись „Братьев Карамазовых“» (Творчество Достоевского: Сборник статей / Под ред. Л. П. Гроссмана. Одесса, 1921. С. VI).

¹⁸ Хранятся в ЦГАЛИ.

¹⁹ Ковригина З. С. Последние месяцы жизни А. Г. Достоевской // Ф. М. Достоевский: Статьи и материалы. Сб. второй / Под ред. А. С. Долинина. Л.; М., 1924. С. 583—590.

²⁰ Внук Достоевского Андрей Федорович писал об этом времени: «К осени 1917 года семья Достоевских оказалась разбросанной по югу России (. . .) Отец Федор Федорович Достоевский, издавна работая в государственном (Московском) скаковом обществе, недавно прибыл в Япигорск, сопровождая эшелон наиболее ценных скаковых лошадей, вывозимых из Москвы от бескорницы (. . .) Бабушка Аня (. . .) в августе 1917 года находилась в городе Туапсе (. . .) позже (. . .) морем переехала в город Ялту, где на Чайной улице у нее был небольшой одноэтажный дом. . .» (Гос. лит. музей, ОФ 4813/1—3).

²¹ Заря Востока. 1922. 28 июля. № 34.

²² Последние новости. 1922. 9 сент. № 734.

²³ После смерти Анны Григорьевны «чемодан» с оставшимися у нее рукописями «попал в руки Чрезвычайной комиссии в Севастополе и по хлопотам Исторического музея доставлен в Москву в его распоряжение». См.: Чешихин-Ветринский В. Архив Достоевского // Утренники. 1922. Кн. 1. С. 129. Но это были другие рукописи. Они хранились в Ялте с 1915 г. — см. записную тетрадь Анны Григорьевны за этот год (ГБЛ).

какое-то время хранились в государственном учреждении, откуда вновь исчезали.²⁴ Причиной этого в значительной степени была ставшая известной сумма (12 млн р. золотом), которую лица, похитившие рукописи, за нее запрашивали, а также обнаруженная правительством России готовность заплатить эту сумму. Дело поступило в Чрезвычайную комиссию, направившую в соответствующую инстанцию следующий документ:

«Представителю Комитета освобождения Черноморья
тов. П. Джанашия
Заведующего Особым отделом и коменданта
Ревследкома Г. Д. Алшибая

Докладная записка

Комитетом освобождения Черноморской губернии 28 марта с(его) г(ода) был командирован из Сочи в Грузию для розыска и ареста бывшего сотрудника Ревследкома И. Канделаки, похитившего рукописи Ф. М. Достоевского, каковые были сотрудниками Ревследкома отобраны при обыске у кого-то и хранились в Ревследкоме. Для этой цели (...) я был снабжен письмом на имя товарища Чайкина, чтобы последний оказал бы мне помощь в деньгах (...). Не зная места пребывания разыскиваемого Канделаки, мне приходилось развезжать в разные местности Грузии и узнавать его местонахождение. И в конце концов мне удалось его разыскать, который дал словесные показания, что рукописи эти у него находились и что он оставил их в Гаграх для передачи М. Ломджария, что рукописи эти были отобраны им у поручика Вроцкого. Имен в виду, что показание Вронского могло иметь для дела весьма большое значение, я разыскал его и снял с него показание. Несколько писем (Достоевского. — Т. О.) при первой же встрече передал мне сам Канделаки (...). Произведенное мною дознание, рукописи, отобранные у Канделаки, и самого Канделаки я вам представляю на дальнейшее расследование.

19 IV 20 г. г. Гагры
Р. С. Письмо на имя Чайкина тоже представляю. Г. Алшибая».²⁵

Итак, к апрелю 1920 г. рукописи были похищены из Ревследкома ее сотрудником И. А. Канделаки и, согласно его заявлению, значительная их часть была оставлена им в Гаграх для передачи некоему М. Ломджария. Часть рукописей (по-видимому, незначительную), Канделаки оставил при себе, как выяснится, для того, чтобы вызвать интерес потенциальных покупателей предъявлением подлинников.

Но ни Вронский, ни Канделаки, находившиеся попеременно в Ревследкоме, работе следствия не помогли, рукописи исчезли, а Ревследком передал дело как безнадзорное властям России. Об этом гласит следующий документ:

«2 XI 1920.
Полномочному Представительству
Российской Советской Федеративной
Социалистической Республики

²⁴ Нужно при этом иметь в виду, что на Сочинском фронте происходили в это время военные действия, распространявшиеся по всей территории, где проходили события, связанные с архивом Достоевского.

²⁵ Гос. архив Грузии, ф. 1873, № 1, с. 17. Орфография и синтаксис подлинника сохранены.

... Среди (...) дел, которые, как известно Представительству, передаются ликвидационным Бюро по мере того, как оно перестает иметь возможность предпринять по ним дальнейшие шаги, имеется и одно совершенно не терпящее отлагательства дело (...).

Это дело о похищении двух пудов рукописей Достоевского.

Препровождая подлинное дело, я не сомневаюсь, что Представительством будут приняты, как в Грузии, так и на Черноморье, самые энергичные меры для разыскания этого литературного сокровища.

Представитель К(омитета) О(свобождения) Ч(ерноморья)
Подпись».²⁶

Поиски продолжались, и в 1922 г. часть рукописей нашлась. 31 июля этого года в газете «Бахтриони» появилась заметка «Находка рукописей Достоевского», гласившая:

«Два года тому назад умерно говорили, что неопубликованные рукописи Достоевского хранятся в Сочи. Эти рукописи были у вдовы писателя, которая готовила их к печати. Позднее рукописи появлялись то в Батуми, то в Константинополе, то в Озургети.²⁷ Все усилия обнаружить рукописи оказались тщетными. В последнее время выяснилось, что рукописи приобрел В. Мгалоблишвили, который за небольшую цену уступил их Заккрайкому. Заккрайком назначил экспертную комиссию по изучению рукописей, в которую входили Григол Робакидзе, Игнатов и Ананов. Эта комиссия после длительной проверки подтвердила достоверность и большую литературную ценность рукописей (как Достоевского, так и его супруги). Находка рукописей несомненно имеет огромное значение для истории русской литературы, поскольку в них много полных и новых материалов, проливающих свет на творчество и жизнь Достоевского».

Опубликованный комиссией в газете «Заря Востока» «Акт по рассмотрению документов из архива А. Г. Достоевской» показал, что у В. Мгалоблишвили были приобретены те рукописи, которые и ранее предлагались Заккрайкому «за небольшую сумму». Ни двух частей «Бесов», ни томов с «Братьями Карамазовыми» среди них не было.²⁸ А ведь именно за них «неизвестные лица» запрашивали 12 млн золотом.

Известие о работе комиссии и о ее составе появилось в «Заре Востока» 28 июля 1922 г. А в сентябре этого года информация была перепечатана рядом газет за границей — в том числе нарижских и берлинских. Появилась она как «Письмо из Грузии» и в Парижской газете «Последние новости» (9 сент. № 734). Причем здесь возникли небольшие подробности, которых не было в газете «Заря Востока». И, в частности, говорилось: «На Сочинском фронте военные действия еще не были прекращены, как в Тифлисе стало об этом (т. е. о пропа-

²⁶ Там же, № 2, с. 23—24.

²⁷ Озургети — старое название города Махарадзс, центра Гурии.

²⁸ Зато была «Записная книга к роману „Подросток“ — переплетенная в картои тетрадь в 250 страниц, которая не попала в пыльный ЦГАЛИ и следы которой утрачены. Вероятно, поиски этих следов пужно начать с документов, которые должен был оформлять М. Н. Покровский, доставивший в Москву купленные в Грузии рукописи. Для этого, очевидно, следует обратиться к подсобным фондам бывшего Централархива, которые до недавнего времени были закрыты для исследователей.

же рукописей Достоевского. — Т. О.) известно. Местная печать подняла шум. Союз грузинских писателей отправил к правительству делегацию с настойчивой просьбой — срочно приняться за розыск обладателей рукописей и послать в Сочи специальную комиссию (...). Вопрос об этих рукописях снова выплыл в этом году во время юбилейных дней Достоевского в Тифлисе.²⁹ Народному комиссару просвещения Грузии г-ну Канделаки стали подаваться заявления разных лиц о готовности их обнаружить рукописи Достоевского, причем за это требовалась весьма солидная сумма и непременно в фунтах. Переговоры с Луначарским и Покровским в Москве, от которых г-н Канделаки получил согласие платить, вмешательство представительства РСФСР в Грузии снова оказались тщетными: обладателей рукописей не удалось найти (...) и дело так и заглохло. ...».

Примерно через год после этого из Москвы в Грузию последовал такой телеграфический запрос:

«ТФЛС Москвы НКВД

Тифлис,
Наркомпрос
Орахелашвили
834.44. 24/3. 23.10.

Сообщите судьбу рукописей Достоевского количестве двух пудов обнаруженных комитетом Черноморья 1920 году и похищенных дальнейшим Гаграх Иваном Александровичем Канделаки тчк подробности похищения были опубликованы тифлисской газете слово 11 мая 1923 номере 104 тчк. Карахан».

Эта телеграмма — последнее в те годы упоминание о пропавших в Грузии рукописях.

Поиски каких-то следов тех событий в нынешнем Тбилиси не дали ничего, кроме устных свидетельств о том, что автографы Достоевского были в частных грузинских архивах, погибших в годы сталинско-бериевских репрессий.³⁰

Высказывалось предположение, что рукопись романа «Братья Карамазовы» могла в «послереволюционные годы» попасть за рубеж. Это предположение принадлежало И. С. Зильберштейну и связывалось им с именем Ек. П. Достоевской, матери внука писателя Ф. Ф. Достоевского («Федика»), которому А. Г. завещала именно эту рукопись³¹ и которая какое-то время (до 1908 г.) хранилась в

²⁹ Речь идет о праздновании столетнего юбилея со дня рождения писателя, проходившем в феврале 1922 г. Изучение этого события по нашей просьбе взяла на себя грузинская исследовательница М. В. Ницидзе, опубликовавшая недавно одно из выступлений на юбилее — речь Григола Робакидзе «Достоевский», впервые увидевшую свет в груз. газете «Барикади» (№ 6 за 1922 г.) (см.: Лит. Грузия. 1990. № 1. С. 155—161). В этой же газете напечатана и речь Т. Табидзе.

³⁰ В. С. Шадури вспоминал о кострах из рукописей, отобранных у репрессированных и горевших во дворах под окнами полуграмотных сотрудников органов госбезопасности. Известный грузинский библиограф С. Лекишвили свидетельствует, что в подобных кострах видели и рукописи Достоевского.

³¹ Известно, что почти все рукописи мужа Анна Григорьевна «расписала» (буквально, на их обложках) своим внукам.

петербургском банке. Но Е. П. Достоевская никогда не держала в руках самой рукописи, а если и держала квитанцию от нее, то очень недолго. А. Г. Достоевская взяла рукопись из банка и с тех пор до самого своего бегства из Сочи постоянно держала ее при себе. По этой же самой причине оказывается несостоятельным и другое предположение И. С. Зильберштейна — о том, что рукопись могла быть увезена за границу «одним из высших царских чиновников Государственного банка».³²

И тем не менее «Братья Карамазовы» (как и рукописи «Бесов» и «Подростка») действительно могли попасть за рубеж. Прямое подтверждение этому — упоминавшееся беглое сообщение о появлении каких-то рукописей писателя в Константинополе; можно предположить также, что отказ правительства РСФСР заплатить 12 млн золотом и угроза возбудить «уголовное преследование» против тех, кто безвозмездно не отдаст рукописей, заставило их обладателей искать покупателей за границей.

И потому-то, на наш взгляд, напрасно И. С. Зильберштейн отводил приведенные Б. И. Бурсовым сведения о рукописи, полученные им от младшего внука писателя А. Ф. Достоевского, утверждавшего, что в 20-х гг. рукопись «купил за баснословную цену» Стефан Цвейг. Б. И. Бурсов счел сообщение А. Ф. Достоевского «легендой»,³³ но не настаивал на ее недостоверности. И. С. Зильберштейн категорически отвел эту «легенду», назвав содержащиеся в ней сведения «апокрифическими».

Нам удалось вывить истоки этой «легенды», приближающие ее к факту. Остается неизвестным, откуда мог узнать о ней А. Ф. Достоевский. Не исключена возможность, что лица, окружавшие в Ялте умиравшую А. Г. Достоевскую, передали Ф. Ф. Достоевскому какие-то известия, связанные с обстоятельствами пропажи рукописей, а он в свою очередь что-то успел узнать о дальнейшей их судьбе.

Нами уже упоминалось имя одного из членов экспертной комиссии по рукописям Достоевского — грузинского писателя Григола Робакидзе (1880—1962). В 1930 г. он принял (вместе с театром имени Руставели) приглашение приехать в Германию на гастроли (в театре с громким успехом шла его пьеса «Ламара»). Выехал он в 1931 г., вероятно приняв решение не возвращаться, тем более что весь театр отправлялся на гастроли вопреки воле Берии.³⁴ В Германии он когда-то учился; здесь же жил его добрый знакомый и автор предисловия к немецкому изданию его книги «Змеиная рубаха» (или «Змеиная кожа») австрийский писатель Стефан Цвейг

³² Зильберштейн И. С. Новообнаруженные и забытые письма Достоевского // Лит. наследство. М., 1973. Т. 86. С. 140—141.

³³ Бурсов Б. Достоевский неизвестный // Лит. газ. 1970. 16 сент. № 38.

³⁴ Оставшись в Германии, он избежал участи своих коллег и друзей: С. Ахметели, Т. Табидзе, П. Яшвили, М. Джавახишвили, Е. Микеладзе. Мы привели их имена не случайно: не их ли архивы горели в тбилисских дворах?

(1881—1942).³⁵ И здесь невольно вспоминается приведенное уже свидетельство А. Ф. Достоевского о Цвейге, якобы купившем рукопись «Братьев Карамазовых» за «баснословную цену». Это не означает, что Цвейг купил рукопись непосредственно у Робакидзе. Но что об имевшихся в Грузии рукописях Достоевского он знал не только из газет, — в этом нет сомнений. Ведь он и раньше был владельцем автографов Достоевского (об этом далее).

Еще до приезда Робакидзе в Германию осенью 1928 г. Цвейг присутствовал на московских торжествах, проходивших в дни 100-летнего юбилея Л. Н. Толстого. В интервью, которое он дал на пути в Москву, говорилось: «Сильнейшее любопытство влечет меня в Россию. Вскоре я приеду сюда нарочно и тогда буду по-настоящему изучать родину, родившую Толстого и Достоевского».³⁶

Уже в этот приезд Цвейг не ограничился пребыванием на юбилейных торжествах в Москве, но посетил Ленинград и завязал ряд личных связей. Среди его новых знакомых был М. Горький и известный коллекционер, библиограф и искусствовед П. Д. Эттингер.³⁷ Был в это время в Ленинграде и Робакидзе. В этом же 1928 г. в № 9—10 грузинского журнала «Мнатоби» Робакидзе опубликовал статью «Дни Толстого» и в ней рассказал о своих встречах с Цвейгом.

Пребывание в Москве и Ленинграде произвело на Цвейга благоприятнейшее впечатление и поселило в нем намерение вскоре вновь побывать в Союзе. Но намерение это выполнить не удалось — по ряду причин, в основном политических. Было же это намерение достаточно глубоким и серьезным. Так, 1 декабря 1928 г. Цвейг писал петербургскому издателю И. В. Вольфсону: «... я веду сейчас переговоры с одним английским издательством относительно серии статей, которые я предполагаю написать о России, если еще раз приеду в Вашу страну. Мне хочется увидеть Волгу, съездить на Кавказ и в Грузию...».³⁸ Еще раз он упомянул об этом в письме от 1 марта 1929 г. к тому же корреспонденту, подчеркивая, что ему особенно бы «хотелось посетить Кавказ и добраться до Туркестана».³⁹ Такое стремление на Кавказ вполне можно связать с разговорами с Робакидзе по поводу рукописей Достоевского. К 1931 г. поездка Цвейга стала реальной, и в июле этого года в письме к А. В. Луначарскому, написавшему предисловие к книге писателя «Борьба с безумием»

(вышла в издательстве «Время» в 1932 г.), он писал: «Вам, может быть, интересно будет знать, что я собираюсь приехать на два месяца в Россию вместе с моим другом, известным бельгийским художником Франсом Мазерелем; мы хотим сделать вместе книгу с рисунками, которая выйдет на всех языках и будет — вы знаете нашу точку зрения — резко отличаться от стряпни низкопробных журналов, полной лжи и ненависти, — книгу документальную. Мазерель — человек, созданный для таких рисунков, я тоже постараюсь сделать все, что могу...».⁴⁰ Поездку эту («через всю Россию») должен был оплачивать американский издатель Цвейга. Она, как уже отмечалось, не состоялась.

Думается, что кроме самого путешествия и книги, которая появилась бы в результате этого путешествия, у Цвейга были и другие цели. И главная из них — пополнение уникальной коллекции автографов. Ведь собиралась она в течение тридцати с лишним лет, и с большим разбором. Целью Цвейга было овладеть «в собственноручных подлинниках именно тем, что сделало бессмертных бессмертными».⁴¹

Известно также, что еще в 1914 г. Цвейг работал над книгой об одном из своих любимейших авторов, Достоевском, которого он считал своим учителем. И известно, что рукописи Достоевского в его коллекции имелись. Известно и какие. Это были «две главы» из «Униженных и оскорбленных».⁴² Цвейг писал, что приобретены они были «перед войной»,⁴³ в результате больших денежных затрат и усилий.

По его же словам, относящимся к одной из двух рукописей, она была «куплена через посредничество Мартина Бреслауэра 13 сентября 1912 г.» (17, 458). Один лист из рукописи Цвейг воспроизвел (факсимиле) в издании: *Dostojewski F. M. Sämtliche Romane und Novellen. Erster Band, Arme Leute. Leipzig: Insel-Verlag, 1921. Einleitung von Stefan Zweig.* И эта же рукопись (вернее, ее микрофильм) через посредство профессора университета Клагенфурт (Австрия) Р. Нойхойзера стала доступна редакции академического «Полного собрания сочинений» Достоевского.

Но Цвейг, по его собственным словам, к 1930 г. владел тремя автографами Достоевского (т. е. автографами трех глав из романа «Униженные и оскорбленные»)⁴⁴ Известно же только об одном из них.⁴⁵

³⁵ Мы не случайно сопроводили имена Робакидзе и Цвейга датами: не были ли они соучениками? Вышедшее в Германии «Полное собрание сочинений и писем» Цвейга не содержит упоминания имени Робакидзе. Но это не означает, что он не фигурирует в персикские Цвейга. Дело в том, что имя Робакидзе в Германии находится под запретом попыне (в Грузии этот запрет существовал до 1987 г.), так как писатель был связан с Третьим рейхом, являясь автором апологетических книг о Гитлере и Муссолини. Требуется разяснения в архиве Цвейга, могущие дать необходимые сведения о связи его с Робакидзе.

³⁶ *Кальма Н.* Литературные встречи // Красная пива. 1928. № 4. С. 8. Цит. по публикации К. М. Азадовского: Стефан Цвейг. Письма в издательство «Время» // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома. 1975. Л., 1977. С. 221.

³⁷ Он переписывался «со многими немецкими коллекционерами» (Там же. С. 225).

³⁸ Там же. С. 248.

³⁹ Там же. С. 249.

⁴⁰ *Луначарская И. А.* Три письма к Луначарскому // Прометей. М., 1966. Т. 1. С. 291 (фотокопия подлинника на франц. яз. приведена здесь же).

⁴¹ Цит. по: *Зильберштейн И. С.* Новонайденные и забытые письма Достоевского. С. 139.

⁴² Там же.

⁴³ Имеется в виду война 1914 г.

⁴⁴ Переписка А. М. Горького с зарубежными литераторами // Архив Горького. М., 1960. Т. 8. С. 11; *Zweig S.* Meine Autographen-Sammlung. «Philobiblon» Zeitschrift für Bücherliebhaber. 1930. II. 7. S. 279—289.

⁴⁵ Представляется сомнительным сообщение А. В. Архиповой, публиковавшей в т. 17 академического «Полного собрания сочинений» варианты этого автографа («... по-видимому (эта рукопись. — Т. О.) единственная, которая находилась в составе

Где же остальные?

Тут следует обратиться к истории распада архива Цвейга. Как известно, к 1934 г. он вынужден был покинуть Зальцбург и поселился сначала в Лондоне, затем жил в Нью-Йорке, под конец — в Бразилии, где и покончил с собой (в 1942 г.). Предстоящая вынужденная эмиграция потрясла писателя, развеяла его надежды на то, что его коллекция, которую он собирался в будущем подарить «достойному» учреждению, обессмертит его имя, став к тому же сама по себе «произведением искусства». По его собственному признанию, часть своей коллекции, которую, таким образом, не имело смысла хранить, он «передал Венской национальной библиотеке — главным образом то, что сам получил в дар от друзей-современников, другую часть распродал». «А то что случилось с остальным, — признавался он, — не очень тревожит меня».⁴⁶

Известно, что среди подаренного в Венскую библиотеку автографов Достоевского не было.

Возможно, что самые ценные автографы были среди распроданной части коллекции.

Не исключено также, что упомянутое писателем «остальное» — именно то, что находилось до недавнего времени в Лондоне и что описано Р. Нойхойзером. Возможно также, что это была именно та часть, которая попала к «наследникам» (17, 457) Цвейга (своих детей у него не было).

В любом случае должны быть предприняты дальнейшие поиски следов распада архива Цвейга, а следовательно, и уточнения, куда могли уйти рукописи Достоевского и Л. Толстого. Требуется проверки и промелькнувшая где-то версия, что проданная часть ушла в Швейцарию. Нами в 1988 г. была предпринята через профессора Тюбингенского университета Л. Мюллера⁴⁷ попытка вовлечь в поиски ученых из Швейцарии и с этой целью написана для одной из швейцарских газет статья о судьбе рукописей «Братьев Карамазовых».⁴⁸ Удалось найти и следы сохранившегося архива Г. Робакидзе; они оказались в одном из архивохранилищ Швейцарии, где в Женеве доживал свои дни пи-

его (Цвейга. — Т. О.) коллекции» — 17, 458). У нас нет оснований подвергать сомнению свидетельства самого Цвейга о том, что у него были автографы трех глав романа. Как будет явствовать из последующего текста, архив распался и в Лондоне оказался лишь один из автографов. Вероятно, комментатор сделал свой вывод на основании описания автографа, произведенного дочерью жены Цвейга. Но ведь описывается каждый автограф *отдельно* или, во всяком случае, по главам. А главы, попавшие к Цвейгу, были разными. Таким образом, он и говорит о *первой* из них.

⁴⁶ Цвейг С. Вчерашний мир: Главы из книги // Нова. 1972. № 3. С. 132—134.

⁴⁷ Любезно помогавшего нам в поисках сведений о пребывании Г. Робакидзе в Германии.

⁴⁸ Такая же статья была опубликована нами в газете «Вечерний Тбилиси» за 21 декабря 1985 г.

сатель, высланный из Германии после падения режима Третьего рейха.

В его архиве тоже могут отыскаться какие-то следы событий, связанных с рукописями Достоевского. Тем более что он писал мемуары, частично опубликованные, но оставшиеся нам недоступными. Таким образом, поиски следов утраченных рукописей Достоевского должны быть продолжены — и прежде всего в архивах С. Цвейга и Г. Робакидзе.